

Даниил Гранин:

«Что делать интеллигенции, когда ее роль кончилась»

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ РАЗМЫШЛЯЕТ О ЮБИЛЕЯХ ЛИХАЧЕВА И ШОСТАКОВИЧА И О КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАНЫ

ЦЕННОСТИ

Ольга МАРТЫНЕНКО

Отправляясь на встречу с Даниилом Граниным, я выстроила логичную, на мой взгляд, схему будущей беседы, у которой оказался один недостаток: она не выдержала испытание реальностью. Мой именитый собеседник даже поморщился, когда я в качестве темы преподнесла ему его собственное давнее высказывание о великом городе с областной судьбой. Но отступать было некуда: сто лет назад, без всякого заказа на демографический взрыв гениев, городу и миру явились два будущих гиганта — Шостакович и Лихачев, чья роль в величии города обсуждению не подлежит, однако подлежит обсуждению роль общества в их бессмертной судьбе. Даниил Гранин возглавляет Международный благотворительный фонд имени Дмитрия Лихачева.

— Дмитрия Сергеевича Лихачева я довольно хорошо знал, любил, и для меня он замечательный образец нравственного человека. Даже не так нравственного, как морального. Разница большая. Мораль — это система запретов, а нравственность — шире, она включает понятие души и гуманных, гуманитарных действий. В этом смысле Лихачева тоже можно считать эталоном, потому что его поведение не расходилось с его словами, как и слова не расходились с делом. На протяжении своей жизни он очень много успел сделать. Хотя он не обладал никакой властью, не было у него аппарата, но он представлял собой министерство той культуры, которой не занимается официальное министерство.

— На весенней ярмарке «Книги России» меня поразила даже не скромность, а бедность в оформле-

ных службах. И это несмотря на указ президента. Но дело даже не в этом, а в том общественном звучании, которое может иметь Год Лихачева. Что главное для меня в Лихачеве? То, что он высоко ставил гуманитарное образование, полагая, что школа должна прежде всего учить понимать. Культура для него была на первом месте. Ее отсутствие сводит на нет любые экономические реформы, порождает нечестность и непорядочность, коррупцию, криминал и все прочее, что процветает без зазрения совести. Культурой определяется смысл существования любого государства. Любкой нации. Любого народа. Это, казалось бы, вещь более или менее очевидная, но отнюдь не для нашей власти.

— Не только для нашей. 500 лет назад Макиавелли утверждал, что в республиках талант всегда под подозрением. Человек может там достигнуть высот, если своей посредственностью не пугает других. Вот почему демократией управляют не самые достойные, а люди, заурядность которых ни у кого не вызывает опасений. — Не бог весть какой носитель нравственности, но угадал на века вперед. — Кстати, и отношение к столетию Шостаковича, всегда пугавшего безмерностью таланта не только власти, но и коллег, далеко от грандиозности задачи.

— У меня такое впечатление, что с Шостаковичем мы просто прощипали. Я уверен, что можно было сделать этот год Годом Шостаковича, наподобие Года Моцарта. А если невозможно было добиться этого в мировом масштабе, то объявить его Год в России и во многих странах. Вот вам еще один пример безобразной работы Министерства культуры.

— Что за этим стоит? Недопонимание, лень мысли?

— Я вообще не понимаю, чем занимается в последнее время Министерство культуры. Во всяком случае,

Культура определяет облик любой нации

сти делу. Можно же было бы поддерживать культуру на селе. Кинопередвижек нет, изб-читален нет, никто не приезжает на село с концертами. И в маленьких городах то же самое. Внимания нет и к маленьким музеям, ко всем учреждениям культуры. Там, где районы им помогают, — хорошо, где этого нет — ужасно.

ской России. И должны быть прошлым благодарны. Что мы имеем сегодня? Подростающие гении — композиторы, исполнители, художники — уезжают. Не говорю уже об ученых, это тоже часть культуры. А тогда не уезжали. Подсчитать бы громадные потери за последние 20 лет! Какие Министерство культуры создало условия, чтобы люди работали на родине? Никаких. И все это продолжается.

— Началось-то ведь при советской власти, прямо по пророчеству бесов Достоевского: «Мы каждого гения задушим в зародыше». Если не душили, то выгоняли.

— Зачем возвращаться к этому безобразию? Мы поняли, что это было гибельно, вся эта однопартийная тоталитарная система, коммунистическая идеология. Но сейчас этого нет. А хамское отношение к культуре продолжается. Извините за резкость.

— Тем не менее в Петербурге меня удивило обилие книжных магазинов в центре города, в отличие от Москвы, где на главной улице остался всего один. Может быть, не все потеряно?

— Нет, конечно. Руководители Эрмитажа, Русского музея, пуш-

кинских дворцов и других комплексов многое сумели сделать, многое приобрели и стали учреждениями мирового класса. Достижения есть, но я говорю о культурной политике интегральной.

Повторю слова Лихачева, с которым я совершенно согласен: экономика не самоцель. Культура может быть целью. Сделать человека порядочным, счастливым, способным воспринимать любовь, красоту, природу в состоянии только искусства.

— Говоря о великих людях города, нельзя не вспомнить его основателя, которому вы посвятили последний крупный роман «Вечера с Петром Великим». Вы называете его вулканом, вырвавшимся из дремоты веков, и отрицаете за ним жестокость, в которой его обвиняют уже три века.

— Начисто отрицаю. Жестокость Петра — это расхожие утверждения, которые распространяли противники его реформ. Что конкретно ставится Петру в вину?

— Строительство Петербурга. — Строительство Петербурга? Так вот. Им занимался непосредственно Меншиков. Сейчас наши молодые ученые изучают историю этого строительства. Выяснилось, что мастеровых людей разыскивали по всей стране, их не хватало, обращались с ними очень бережно. Во время строительства, насколько известно сегодня, не было никаких эпидемий. Да, строили в тяжелых условиях, но это не было жестокостью. Меншиков понимал, как трудно тасовать людей, ввел вахтовый метод. Нет статистики о количестве людей, погибших при строительстве. Но нет и данных, чтобы утверждать, что жертв было очень много. К слову, при строительстве Версаля погибли 16 тысяч человек, цифра немалая.

Петр расправлялся со стрельцами? Но, позвольте, это было восстание, бунт. А какую кровавую резню до этого они сами учиняли? Его жестокость к собственному сыну — серьезный довод. Но, в первых, был суд. Во-вторых, никто не хочет поставить себя на место Петра. Следует подумать, имел Петр моральное право или нет быть настолько жестоким к сыну, если перед ним стояла проблема будущего государственного устройства России.

— При всем этом не нашлось продолжателей рывка, который предпринял Петр. Разве что Екатерина Вторая.

— Екатерина была замечательной императрицей. Но пользуясь возможностью, хочу сказать о другом. Со стороны Путина сейчас выдвинуто интересное предложение о том, чтобы увеличить рождаемость. Эту деликатнейшую демографическую проблему будут решать мужчины.

— Это как?

— В смысле — начальство. А между тем проблема, на мой взгляд, требует значительного и решающего участия женщин. Мы на протяжении десятилетий делаем все, чтобы женщины не приходили к власти. У нас на всю страну один губернатор — женщина. Чтобы перечислить, сколько было женщин-министров в нашей стране, хватит пальцев на одной руке. Это не азиатчина даже, в Азии сегодня есть президенты женщины, есть министры. Печерное сознание.

Окончание на стр. 37

Когда мы говорим о культуре, мы вынуждены констатировать очень неприятное явление. Культуру могут потреблять только богатые люди

нии стенда Лихачева, что бросалось в глаза на фоне вызывающей рекламы авторов, которые не заслуживают и худого слова.

— Неблагодарность — это наша тяжелая проблема.

Фонд Лихачева делает то, что в его силах. Он существует не на государственные дотации, а на довольно скупые пожертвования (банков, организаций, не частных лиц), которые достаются нам с большим трудом. В связи со столетием несколько улучшилось участие в фонде города, чего не скажешь, к сожалению, о федераль-

не культурой. Культура — вещь чрезвычайно сложная и деликатная, не надо вмешиваться в нее, но надо ей помогать. Посмотрите, что творится у нас с провинциальными театрами, провинциальными библиотеками, провинциальными музеями. Они в бедственном состоянии. Что осталось в деревнях? Только библиотеки, которые при этом не обеспечиваются книгами, не получают журналы. Я уже не говорю о том, что библиотечные работники в нищенском положении, за три тысячи рублей проявляют чудеса самоотверженности, преданно-

Что такое Россия для всего мира? Это Чайковский, Шостакович, это Толстой, Достоевский, Чехов, Кандинский, Шагал. Это набор гениев, которые стали явлением мировой культуры. Какое место должна занимать она в нашей жизни?

— Но Чайковскому царские власти тоже не помогали.

— Шостаковичу — тем более. Дело власти справиться достойный композитора юбилей. В России были консерватория, музыкальные училища, картинные галереи, музеи. Мы до сих пор пользуемся тем наследием, которое досталось нам от цар-